

18+

АЛЕКСАНДРА СУСЛИНА

СКУЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

ПОВЕСТЬ

Александра Суслина
Скучный человек. Повесть

«Издательские решения»

Суслина А.

Скучный человек. Повесть / А. Суслина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696221-7

Как может напоминание о давно исчезнувшем человеке повлиять на тех, кто его знал? Друзья, коллеги, старые раны и семейные тайны. Кто-то переосмыслит свою жизнь, кто-то найдет ответы на мучившие его вопросы, а у кого-то появится шанс прожить лучшие моменты заново. Это история об иллюзиях. Гнаться за мечтами или плыть по течению? Страсть или покой? Ложное ощущение выбора. Любая жизнь — это полная палитра красок, тебе не избежать ни ярких, ни темных оттенков, даже если ты очень скучный человек.

ISBN 978-5-00-696221-7

© Суслина А.
© Издательские решения

Содержание

Скучный человек	6
Пролог	6
Часть 1. Сейчас	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Скучный человек Повесть

Александра Суслина

*Моим друзьям, без поддержки которых эта книга никогда бы
не увидела свет!*

Редактор Алексей Бонч-Осмоловский

Корректор Марина Изотова

Дизайнер обложки Александра Суслина

Фотограф Александра Суслина

© Александра Суслина, 2026

© Александра Суслина, дизайн обложки, 2026

© Александра Суслина, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0069-6221-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Скучный человек повесть

Пролог

Что-то надо долго томить на малом огне, а что-то требует всего пары минут на раскаленной сковородке. «Хорошо звучит или банально? Не хочу говорить штампами, но нужна, наверное, какая-то шутка», – размышлял шеф. Он собрал ножи в старый замшевый чехол, развязал на спине фартук и привычным движением бросил его в корзину для стирки. Окинув взором кухню, он пару секунд задержался на газовом кране и, убедившись, что рукоятка поднята вверх, выключил свет и вышел на улицу. Начинало смеркаться. Это было его любимое время суток, в сумерках все ощущалось острее. И свежесть вечернего ветра, и доносящиеся из окон запахи, и мягкость покрытых мхом стен, и гладкость отполированных до блеска камней, и шероховатость старых чугунных ворот... Однако больше всего пленяли шефа сумеречные краски. Оттенки серого, кирпичного и зеленого после заката приобретали особую глубину и таинственность.

Шеф шел знакомыми тропами из одного ресторана к другому, где его уже ждали. Торопиться не хотелось. Миновав площадь возле собора Сан-Фрон, он не спеша дошел до набережной и, наслаждаясь уютом мерцающих теплым светом лампочек на пришвартованных баржах, медленно пересек мост Барри. Модный ресторан, в котором была запланирована встреча, находился в этой, относительно современной части города.

«Но как бы ни была сладка моя жизнь, – кулинарные метафоры все равно вертелись на языке, – пришло время добавить в нее перца. И возможно даже соли!» Он остановился около нужной двери и прежде, чем открыть, посмотрел на свое отражение в стекле. Сделав глубокий вдох, он улыбнулся. Улыбка, чуть более широкая, чем обычно, выдавала волнение. «Я все делаю правильно, все делаю правильно», – успокоил он себя и толкнул дверь плечом. За много лет он привык открывать двери так, чтобы лишний раз не пачкать и не мыть руки. Но дверь не поддавалась. «Как прежде уже не будет, – рассудительно заметило подсознание. – В остальном мире двери не открываются в обе стороны. Тебе придется играть по совсем другим правилам и начинать весь путь заново. Не совершаешь ли ты ошибку?»

Прогнав сомнение, он уверенно потянул дверь на себя. В этот раз она открылась без проблем.

Речь, которую он пытался набросать заранее, так и осталась не подготовленной. «Ничего, ориентируюсь на месте», – успокоил себя шеф. Предстояло много благодарить и прощаться. Благодарить нужно было искренне, а прощаться – твердо. Он снова подумал, что мало кому в жизни выпадает добиться желаемого, а скольким удастся добиться желаемого дважды? Один раз ему повезло, но не было никаких гарантий, что на новом пути его также ждет успех. Шаг в неизвестность.

Он бодро поднялся на небольшую сцену и уверенно постучал по бокалу ножом, привлекая внимание гостей. Однако, когда все глаза обратились к нему, повисла тишина. Знаменитый шеф-повар, душа компании и участник кулинарных шоу, будто бы растерялся. Он молча всматривался в обращенные к нему лица, рассматривал их, будто видел их впервые или в последний раз. Он одновременно знакомился и прощался, вглядывался, стараясь запомнить все эти поднятые брови, взгляды, улыбки и тронутые морщинами лбы. Приглашенные на вечеринку стояли с бокалами и терпеливо ждали, пока он изучал их лица.

Наконец, он тронул микрофон. Легкий треск подтвердил, что техника работает исправно. Шутки в начале не получилось, однако удалось избежать кулинарных штампов. Шеф начал с благодарностей и говорил без перерыва полчаса, тараторил, забывая дышать, будто боялся что-то не успеть или кого-то забыть. Когда он закончил, еще пару минут никто не решался вставить ни слова. Глаза у всех были на мокром месте.

– Но если ты так сильно нас всех любишь, может, останешься? – вдруг раздался голос откуда-то из глубины зала. – Не понимаю, зачем ты решил всех нас бросить?

Публика обернулась, шеф же сразу узнал голос.

Часть 1. Сейчас

Глава 1

Адвокат с интересом рассматривал гостиную, в которую его проводила дама с высоким пучком в накрахмаленном воротничке и черном свитере. Он не понял точно, кем была эта дама: с одной стороны, строгая форма одежды ассоциировалась с прислугой, но с другой – поверенный вспомнил, как одевается его старшая дочь, – такие накладные воротники сейчас в моде. Значит, эта дама могла оказаться кем угодно.

Он подошел к окну – оттуда открывался прекрасный вид на небольшой сад. Вдоль забора цвели заросли шиповника, вереницей тянулись розовые кусты, а подъездную дорожку обрамляли клумбы с какими-то белыми цветами, названия которых адвокат не знал. Упомянутая дама, возившаяся около одной из этих клумб, помахала ему, и он, смутившись, отошел от окна.

Теперь взгляд поверенного блуждал по книжным шкафам. В силу своей специальности адвокат часто бывал в домах с большими библиотеками, но такого количества кулинарных книг, собранных в одном месте, не видел даже в книжном магазине.

– Нравится мое собрание? – спросил неожиданно появившийся хозяин дома.

– Да, очень! – искренне ответил поверенный и улыбнулся. – Моя супруга мечтала бы побыть часок в таком месте!

– Прощу вас, – хозяин дома указал на диван. – Думаю, вы не будете против, если я останусь на своем железном коне, – хозяин похлопал по колесу свою коляску. – Перемена положения дается мне все сложнее.

– Разумеется! – адвокат сел в указанное место.

– Так чем же я могу быть полезен? – спросил хозяин дома.

– Месье Мернель, меня зовут Саймон Рут, я адвокат в юридической фирме «Норман и Морс». Выступаю от имени Патрика Барра.

Мернель кивнул.

– Вот, на всякий случай, – поверенный положил на журнальный столик свою визитку. – Я хотел спросить, можете ли вы что-то рассказать про вашего коллегу – Мишеля Фазани.

– Безусловно, это имя мне знакомо, – Мернель задумался. – Но я уже очень давно о нем не слышал.

– Насколько давно? Год? Может, пять? – спросил поверенный.

– Думаю, даже дольше, – сказал Мернель. – А что случилось?

– Речь о наследстве. В завещании госпожи Барр, матери моего клиента, указан господин Фазани. Поскольку от него нет никаких вестей очень давно, я пытаюсь его разыскать, – пояснил Саймон Рут. – И на данный момент стараюсь понять: где и когда его видели последний раз? В каком году или хотя бы в каком десятилетии! – поверенный усмехнулся и слегка покраснел, устыдившись своей усмешки.

Мернель внимательно слушал.

– Но он жив? – уточнил Мернель.

– Не могу быть уверен, – развел руками поверенный, – но, вероятнее всего, да. По крайней мере, официальных документов, подтверждающих, что он... не жив, нет – Саймон Рут всегда смущался говорить о смерти в присутствии стариков.

– Хорошо, – тихо сказал Мернель и положил ногу на ногу.

Это легкое движение, сделанное человеком, сидящим в инвалидном кресле, показалось адвокату странным. Но буквально через пару секунд Мернель уже с помощью рук вернул ногу обратно.

– И минуты не могу просидеть в такой позе – сразу немеет нога, – ответил Мернель на незадаанный вопрос поверенного. – Знали б вы, как... – Мернель замолчал, подбирая нужное слово, – старость утомляет. Так чем же я могу вам помочь?

– Вы можете что-то рассказать о Мишеле Фазани? Вдруг какие-то ваши воспоминания натолкнут меня на его след, – предположил адвокат.

– Помню, что он работал в ресторане... где-то в центре... Название вряд ли уже скажу. Кажется, пиццерия... Но он часто менял работу, постоянно скакал с места на место.

– Да?

– Мы искали себе су-шефа, а потом кого-то на замену. Он долго нигде не задерживался.

– А лично вы не общались? Может, дружили?

Старик замолчал, будто погрузившись в какие-то далекие воспоминания.

– Или я его с кем-то путаю. Да, скорее всего, путаю. Это Клод пробовался к нам на замену су-шефа. Тогда Мишеля я знаю откуда? По кулинарной школе ведь, верно? – Мернель вопросительно смотрел на поверенного.

Саймон Рут растерялся. Только что Мернель вел обычную беседу, и вдруг такая перемена – напротив адвоката сидел совсем другой человек – беспомощный и потерянный.

– По кулинарной школе? – переспросил адвокат.

– Да, мы с Мишелем дружили в кулинарной школе, – кивнул старик и улыбнулся.

Саймон молча смотрел на замерший в улыбке ровный ряд искусственных зубов. Старик продолжил.

– Мишель всегда мечтал. Он был – мечтатель.

– И о чем же он мечтал? – осторожно спросил Саймон больше для поддержания разговора.

– О живописи, разумеется! – рассмеялся старик. – О чем же еще можно мечтать!

– О живописи? – удивился адвокат.

Старик не ответил.

– Где Мадлен? – вдруг спросил он. – Мадлен! Мадлен!

– Я тут, тут! – в гостиную вошла женщина в белом воротничке. – Что случилось?

– Кто этот человек? – понизив голос, почти прошептал старик, указывая на адвоката.

– Это поверенный Саймон Рут, – спокойно ответила Мадлен. – Он пришел, потому что...

– Разыскивает Мишеля Фазани, – вставил адвокат.

– Мишеля? Какого Мишеля? – удивился старик.

– Мишеля Фазани, – повторил Саймон Рут, вставая.

– Не помню такого, – покачал головой старик.

– Думаю, я пойду, – сказал Саймон.

Мадлен кивнула.

Саймон шел по дорожке через сад. У ворот он обернулся и увидел в окне фигуру Мадлен, толкающую перед собой инвалидное кресло. Адвокат вздохнул, и аромат цветущих роз на минуту полностью переключил его сознание на что-то безотносительно прекрасное. Он вышел из сада и аккуратно прикрыл за собой калитку. Смазанный замок с легким шелчком захлопнулся. В этот визит ничего полезного поверенный не узнал. Непонятно даже, были ли в действительности Мернель и Фазани знакомы, или же путанное сознание вытащило из памяти старика совершенно другого Мишеля.

По плану следующая встреча была назначена на два часа – шеф-повар ресторана «Парнас» согласился уделить поверенному пять минут своего драгоценного времени.

Пьер Маре оказался жилистым мужчиной лет пятидесяти. Его резкие движения, громкий голос и не терпящая возражений интонация выдавали в нем человека весьма энергичного

и деспотичного. Однако вопреки опасениям Саймона, который боялся, что этот шеф вообще откажется отвечать на вопросы, Пьер Маре оказался весьма словоохотливым. Вместо оговоренных пяти минут беседа продлилась почти час, большую часть которого шеф Маре рассказывал об истории своего успеха.

– Вы сталкивались когда-нибудь с Мишелем Фазани? – в попытке вернуть разговор в нужное ему русло, спросил Саймон.

– С Фазани? Ах, ну да, я с ним довольно близко общался лет пятнадцать назад. До его отъезда в Непал.

– В Непал? А зачем он уехал в Непал? – уточнил Саймон, радуясь хоть какой-то конкретике.

– Этого я не знаю, – рассмеялся шеф. – Написал в письме, что едет воплощать свою мечту в Непал. Но вообще он всегда бредил востоком: Индией, Тибетом, Непалом, Эверестом. Поэтому я не очень-то удивился.

– Мне бы поподробнее, – попросил адвокат. – Расскажите, пожалуйста, все, что вспомните. Когда он вам рассказал о своих планах?

– Нет, он не рассказывал о планах. Он поставил меня перед фактом – решил уехать и уехал. Это уже не подлежало обсуждению. Такой поворот был в целом ожидаем, но произошел совершенно неожиданно. И главное – очень не вовремя.

– Почему?

– Как я уже сказал, Фазани всегда тянуло куда-то на восток: индийская кухня, непальская, китайская. Везде пытался добавлять специи – далеко не всегда к месту, – шеф улыбнулся. – Но мне нравилось, как он жонглирует вкусами, привносит восток в европейскую традицию. Это было очень здорово. Он был одним из первых, кто начал это делать без страха быть непонятым. Именно поэтому мы тогда и решили открыть ресторан. Но в глубине души я всегда считал его отъезд только вопросом времени.

– Вы собирались открыть ресторан вместе с ним?

– Да, причем уже была согласована даже дата открытия, все уже было готово. И вдруг он решил выйти из проекта. Сейчас я это уже пережил, но в тот момент это была настоящая катастрофа!

– Представляю. И больше он не объявлялся?

– Насколько я знаю – нет, может, он писал Марку, но лично я о нем больше не слышал. Со мной он никак не связывался.

– Марку?

– Да, Марку Мернелю.

– Мернелю, – повторил адвокат. – Я был у него утром. Тоже известный шеф.

– Марк Мернель – легенда! – с уважением сказал Пьер. – Мишель Фазани был хорош в чем-то своем, но Марк – профи наивысшего уровня! Это мое скромное мнение, конечно! – он развел руками.

– Я встречался с господином Мернелем, – начал адвокат, – он немного... уже... не вполне...

– Да, знаю, – кивнул Пьер. – Большая потеря для нас. Такой талант. Такой опыт! Причем, он не так уж и стар, но эта болезнь его разрушает... От такого никто не застрахован, конечно.

– Получается, что Фазани и Мернель дружили? – решил спросить Саймон.

– Они были знакомы с юности, – подтвердил Пьер, – насколько я знаю. – Кажется, учились какое-то время вместе. Мне всегда казалось, что Мишель пытается обскатить Марка. И каждый раз тщетно. Помню, мне даже подумалось, когда Мишель уехал, что ему просто надоело вечно быть номером два.

Домой Саймон вернулся взбудораженным. То ли дело было в трех чашках кофе, которыми шеф Маре угощал Саймона во время беседы, то ли в чем-то другом, но Саймон твердо решил поговорить с Марком Мернелем еще раз. Наблюдая, как Саймон мерит шагами комнату, Мари – его жена – опытным движением медсестры влила в него успокоительное.

– Понимаешь, – сказал Саймон жене перед тем как потушить свет, – мне кажется, Мернель что-то знает, но не хочет говорить. И потому притворился больным.

– А мне так не кажется, – сонно отозвалась жена, – ты просто не знаешь, что такое деменция. Это ужас. У моей бабушки был Альцгеймер. Она помнила в деталях свой пятый день рождения, но не могла запомнить наших с мамой лиц. И каждый день знакомство начиналось сначала. А под конец – мы знакомились уже по нескольку раз в день.

– Мне показалось, он не был болен. Когда мы начали разговаривать, все было нормально, и вдруг... знаешь, как будто он просто захотел меня выпроводить побыстрее.

– Старческое слабоумие примерно так и выглядит. Но он признался, что знал Фазани, так? – спросила Мари, приподняв голову с подушки и оперев ее на запястье.

– Да.

– Упомянул про совместную учебу?

– Вроде да, но выглядело это как-то странно.

– Тем не менее, все сказанное им, подтвердил тот другой шеф. Не помню имя.

– Пьер Маре.

– Слушай, я каждый день работаю с такими стариками, им очень трудно сохранять логику повествования. У этого Мернеля мысли путаются, тут ничего не поделаешь, – Мари вернула голову на подушку. – Давай спать, завтра рано везти девочек в школу.

– Я отвезу, – на автомате сказал Саймон, – не переживай!

– Спасибо. Спокойной ночи, – ответила Мари.

Утром, наблюдая, как дочки идут к школе, Саймон Рут пытался понять, стоит ли снова беспокоить Мернеля. После разговора с Мари он уже не ожидал, что сможет получить от старика что-то полезное. Однако школа была на полпути к дому Марка Мернеля, и потому Саймон решил все-таки навестить к старику еще раз.

Мадлен встретила поверенного с грустной улыбкой.

– Боюсь, сегодня у нас не очень удачный день для визитов.

– Мне бы всего минутку с ним поговорить, — попытался настоять Саймон.

– Увы, – твердо сказала Мадлен. – А что вы от него хотите? Может, я смогу помочь?

– Я разыскиваю Мишеля Фазани, – сказал адвокат. – Знаю, что они с Марком учились вместе.

– Ну, может, что-то и получится, – сказала Мадлен и добавила. – Проходите в гостиную, я скоро подойду.

Саймон снова стоял у библиотеки и рассматривал книги. В этот раз его взгляд упал на другой уходящий под потолок стеллаж – с книгами по искусству. В углу он заметил также сложенный мольберт и слегка запыленную коробку с акварелью. В воздухе в гостиной витал тяжелый дух успокоительных капель, знакомый каждому, живущему под одной крышей с пожилым человеком. Поверенный почувствовал себя неловко. «Зачем я пришел нарушать покой больного старика?»

Мадлен вернулась с подносом и чашками и села в кресло напротив дивана. Саймон занял свое вчерашнее место.

– Марк вам уже что-то рассказал о Фазани? – спросила она, передавая Саймону чашку с чаем.

– Толком ничего, – признался Саймон. – Я даже не понял, знакомы ли они были.

– Насколько я знаю, Марк и Мишель дружили какое-то время, – сказала Мадлен.

– А почему же тогда Мернель об этом умолчал? – удивился адвокат.

– Я не думаю, что Марк сейчас полностью... понимает, что говорит. Память ухудшается. За десять лет, что я присматриваю за ним, регресс очевиден. Но он старается... Понимаете, он старается выглядеть достойно, пытается скрывать, что чего-то не помнит. Пытается следить за речью, чтобы казаться... прежним... Чтобы другие не заметили...

– Это очень печально, – Саймон вспомнил разговор с женой и замолчал.

– Все так, – кивнула Мадлен. – В мои обязанности, когда я поступила сюда на службу, входило не только давать лекарства. Раньше я была полноценным секретарем и личным помощником. Разбирала архивы, отвечала на письма, помогала оформлять рукописи. Даже готовить соусы приходилось. Правда, не всегда удачно, – Мадлен помотала головой, прогоняя прочь ностальгические воспоминания. – Так что я в курсе некоторых дел Марка Мернеля.

– Интересно, – Саймон замолчал, оценивая, насколько этично будет расспрашивать Мадлен о личной жизни вверенного под ее опеку человека.

– Я не могу рассказать о Фазани многого, – добавила Мадлен. – Знаю только, что когда-то они с Марком и еще несколькими коллегами собирались открыть ресторан. Но из-за Фазани все пошло прахом. Марк тогда много потерял и в финансовом плане, и в репутационном. Переписка с инвесторами на повышенных тонах тянулась еще несколько лет. Марк всегда очень эмоционально диктовал письма.

– А что Фазани сделал? Известно, как именно он подвел своих коллег? – аккуратно спросил Саймон.

– Точно сказать не могу, но судя по всему, Фазани в последний момент передумал.

– Передумал открывать совместный бизнес?

– Да, бизнес, вообще передумал быть поваром, решил бросить все, уехать.

– В Непал? – уточнил Саймон.

– Не знаю, куда-то в горы, может, и в Непал. Я больше знаю о том, каких трудов его партнерам стоило снова встать на ноги.

– А вы не помните, от самого Фазани вам письма не встречались? Может, в архиве затесалось какое-то письмецо с обратным адресом? – при всем сочувствии к обманутым ожиданиям партнеров по бизнесу поиск самого Фазани для Саймона был в приоритете.

– Не помню таких писем, – честно призналась Мадлен. – Но это все произошло еще до меня. Может, что-то и есть в архиве. Однако будет некрасиво рыться в личной переписке без разрешения Марка.

– Разумеется, – кивнул Саймон. – Может, он даст согласие, если мы его спросим?

– Проблема в том, что мы не можем быть уверены, что его согласие будет настоящим, – сказала Мадлен. – Что он будет понимать в полной мере, на что именно соглашается.

– Может, тогда вы сами поищите? Как его доверенное лицо. Мне же нужен только адрес – некая зацепка, куда двигаться дальше. В нюансы личных взаимоотношений меня можно не посвящать.

Мадлен согласилась подумать. Саймон медленно брел через сад, снова погружаясь в аромат распутившихся роз. «Какое красивое и грустное место. Жизнь и увядание в отдельно взятом доме». Саймон задумался о жизни Марка Мернеля – известный шеф-повар, автор множеств книг, заслуживший любовь и уважение коллег – заканчивает свое существование в полном одиночестве, беспомощный и забытый всеми, кроме своей верной Мадлен. Как и накануне, перед выходом из ворот Саймон обернулся, но в окнах в этот раз ничего не было видно.

Дома ради любопытства Саймон покопался в кулинарных книгах своей жены. Автором двух из них был Марк Мернель. Удивительно, что издатели поваренных книг уделяют авто-

рам рецептов так мало внимания – всего один небольшой абзац на заднем форзаце. Сухой текст, до которого доберется лишь редкая хозяйка. Саймон прочитал вслух: «Вашему вниманию представляем авторские рецепты знаменитого шеф-повара Марка Мернеля, завоевавшего для ресторана «Оноре» две звезды Мишлен». Книга содержит подробные пошаговые рецепты и рассчитана на широкий круг читателей». Во второй книге, более раннего издания, посвященной исключительно блюдам из дичи, информации об авторе рецептов было и того меньше: «Традиционные рецепты старого Перигора от шефа Марка Мернеля».

– Вижу, кулинарная тема тебя не отпускает? – спросила Мари. – Помоги лучше разобраться сумки, – она поставила на стол пакеты с продуктами. – Ты снова ездил к бедному старику, так?

– Ездил.

– Зачем ты упорствуешь? – удивилась Мари. – Напиши, что Фазани пропал без вести в Непале. Пусть Патрик уже получит свое наследство, а ты – свой гонорар, и мы спокойно уедем в отпуск.

– Ты общалась с Патриком? – спросил Саймон.

– Встретились у школы. Пообщались немного, пока ждали детей. Кстати, ты знал, что они с Лорой разводятся?

Саймон покачал головой. Новость, что Патрик разводится с женой, его не обрадовала. Он вообще не любил, когда Мари общалась со своими одноклассниками и друзьями из детства без него.

– Но я не могу просто так закрыть дело, – раздраженно сказал он. – Как минимум нужно получить ответ из Непала.

– Ладно, ладно! Делай, как считаешь нужным, – пожала плечами Мари. – Просто я не хочу весь отпуск слушать ни про старика с деменцией, ни про его сбежавшего в Гималаи компаньона.

– Ты, похоже, знаешь что-то, чего не знаю я? – спросил Саймон, очищая банан. – Это Патрик тебе рассказал?

– Патрик толком не помнит своего дядю, он был слишком мал, когда тот уехал, – не обращая внимания на колкую интонацию Саймона, ответила Мари. – Селена заезжала в больницу, рассказала о поездках Фазани на восток и как он всегда мечтал туда уехать жить, – добавила Мари, успев забрать банан буквально за мгновение до укуса. – Перебьешь аппетит!

– Сестра Патрика в городе? – удивился Саймон. – Я разговаривал с Селеной по телефону недавно. Она сказала, что приехать сможет только в конце месяца.

– Так сегодня уже 28 число, – Мари ткнула пальцем в календарь на холодильнике. – Конец месяца и есть.

– Значит, решено. Срок вышел. Как только придет ответ из Непала, дело будем закрывать, – тихо сказал Саймон. – Так тому и быть.

– Вот и славно! – улыбнулась Мари. – Девочки, мойте руки!

Приближались летние каникулы, у Саймона с семьей была запланирована поездка по деревням региона, и он решил больше не портить себе предвкушение отдыха тщетными поисками и неприятными мыслями.

Глава 2

Если бы кому-то пришло в голову спросить Мадлен, довольна ли она своей судьбой, она бы ответила, что будто бы жизнь ее ровно к такому и готовила.

Ни дня не проработав по специальности, Мадлен сразу после университета устроилась помощником пожилого адвоката в местную контору. Отсутствие юридических знаний не помешало Мадлен вписаться в коллектив, а ее спокойная натура и природная любовь к порядку сделали ее незаменимой в ситуациях, когда требовалась помощь с организацией документов или соблюдением протоколов.

Мадлен могла бы проработать в той конторе всю жизнь, но яркий служебный роман с младшим партнером в фирме и не менее яркий скандал с супругой упомянутого коллеги, положил конец этому этапу ее карьеры, открыв дверь целой череде нестандартных занятий.

Мадлен работала оживающим пугалом в пещере страха, была волонтером на станции переливания крови, вела театральные кружки в школе-интернате для девочек, сидела с чужими детьми, гуляла с чужими собаками, поливала чужие цветы и следила за чужими домами, переворачивала бутылки с элитным вином, помогала малярам на стройке и когда уже была готова остепениться и возглавить бригаду штукатуров, вдруг нашла вакансию мечты и не могла не попытаться счастья. На молочную ферму требовался младший персонал для работы в погребах с сырами.

Сыроварня отнеслась к Мадлен и ее опыту несколько скептически, однако поток желающих на эту вакансию быстро иссяк. Мадлен приступила к работе и через пару лет стала лицом сыроварни на всех близлежащих фермерских рынках.

Именно на одной из таких ярмарок – Мадлен хорошо помнила тот день – это был четверг, ведь в Периге она всегда ездила по четвергам – она и познакомилась с Марком Мернелем и Пьером Маре. Два шефа как всегда придирчиво выбирали продукты и пробовали необычные сыры. Конечно же, они не могли пройти мимо дружелюбной и улыбчивой Мадлен.

Их встречи стали регулярными, и каждый четверг на ярмарке в Периге Мадлен уже ждала эту парочку, оставляя для них на пробу самые оригинальные кусочки.

Пожилой шеф был очень учтив с Мадлен. Тот, что помоложе, Пьер, наоборот, был холоден и немного высокомерен. И как часто это бывает, именно этот равнодушный и надменный Пьер завоевал сердце Мадлен и полностью поглотил ее мысли. Она с трепетом ждала четверга, чтобы увидеть своего героя, который с каждым разом оттаивал все больше, но все еще не достаточно, чтобы Мадлен могла предложить ему выпить кофе.

Можно себе представить, как расстроилась Мадлен, когда в очередной четверг шефы не пришли на ярмарку. Разочарованию ее не было предела, когда никто из них так и не появился – ни через неделю, ни через месяц.

Сердце Мадлен было разбито, но она продолжала появляться на ярмарке в Периге по четвергам, уже не надеясь ни на какую встречу. Пьера Маре Мадлен увидела только через два месяца – совершенно случайно – у лотков с овощами.

Мадлен никогда не умела обижаться и всегда находила в себе силы прощать других. В этот раз ей даже не пришлось особенно стараться – настолько грустным и поблекшим выглядел ее возлюбленный. Он принял ее приглашение на кофе и рассказал, почему не появлялся все это время.

Его старший коллега – Марк Мернель – попал в больницу с инсультом. Обследование показало, что Марк сильно запустил свое здоровье и на ногах перенес уже несколько микроинсультов и даже не обращался за помощью. В этот раз все произошло прямо на кухне ресторана Парнас, где Мернель проводил мастер-класс для сотрудников. Они же и вызвали скорую.

После выписки из больницы Пьер волновался за Мернеля. Мернель же, привыкший к своему укладу, дому и саду, всю жизнь проживший согласно своему вкусу, привычкам и причудам, отвергал всех сиделок и помощников по хозяйству, которых Пьер пытался ему организовать. Пьер переживал, не зная, что делать дальше, но не мог отделаться от ощущения, что теперь несет ответственность за своего одинокого мэтра.

После этих слов отзывчивая Мадлен размякла еще больше – сочувствие Пьера и положение Мернеля просто требовали ее неотложного вмешательства. В том же кафе, не дав себе и десяти минут на трезвые размышления, Мадлен без колебаний предложила Пьеру свою помощь. «Я умею делать все – могу и капельницу поставить, и документы в порядок привести, и помогать могу ненавязчиво, могу книжку вслух читать, следить за хозяйством, могу вкусный обед приготовить, – сказала Мадлен и заметила легкую усмешку на губах шефа. – Может, не на мишленовскую звезду, конечно, но достаточно вкусный!» – со смехом добавила она.

Так, после одной чашки кофе в кафе около рынка, у Мадлен начался новый этап в жизни.

Мернель отнесся к такой помощнице с гораздо большей благосклонностью, чем Пьер Маре мог даже надеяться. К радости Мадлен и Марк Мернель оказался совсем не так немощен, как могло показаться со слов Пьера. Поскольку работать в полную силу Мернель уже не мог и появлялся в своем ресторане лишь на несколько часов в день, все остальное время они с Мадлен занимались важными и интересными делами. Обдумывали книги, записывали кулинарные подкасты, экспериментировали на кухне. Словом, никогда еще жизнь Мадлен не была такой насыщенной и разнообразной, как в первые несколько лет работы у Марка Мернеля.

Единственным камнем преткновения для Мернеля и Мадлен был Пьер. Мернель не мог не видеть, что Мадлен сильно увлечена Пьером, но никак не решался найти правильных слов, чтобы рассказать Мадлен о том, что Пьер давно и прочно женат. В глубине души Мернель вообще не хотел вмешиваться и считал, что Пьер должен признаться сам и поставить точку.

Однако любовная история Мадлен и Пьера закончилась только через три года после его признания. Сначала Мадлен тешила себя иллюзиями о скором разрыве Пьера с женой, потом утешалась мыслями о любовницах великих художников, в шутку называя себя Жанной Самари за некое внешнее сходство с известным портретом. Однако Пьер Маре был похож на Пьера-Огюста Ренуара сильнее, чем Мадлен хотелось бы. Несмотря на способность увлекаться, привязанность Пьера к жене и детям никогда не ставилась под сомнение. Когда Мадлен окончательно это поняла, болезненный разрыв был неизбежен.

Вспоминая тот период своей жизни, Мадлен всегда вздыхала, считая случившееся дальше исключительно своей виной. Стремясь всеми силами забыть о Пьере, Мадлен на целый месяц уехала к матери в Сарла. Месяц плавно перерос в два, а потом и в три. Вернуться Мадлен заставил звонок из больницы. Предоставленный сам себе Мернель упал с лестницы и сильно повредил ногу. Мадлен не могла простить себя за такую беспечность – следить за безопасностью Мернеля и было ее заботой, а она его подвела.

Никто толком не понял, как и почему Мернель оказался на лестнице, ведущей на чердак, что и зачем ему там понадобилось, но с тех пор Мернель потихоньку начал сдавать. Все чаще кружилась голова, случалась дезориентация, начались проблемы с памятью, замедлилась речь. Мадлен было больно видеть, как из Мернеля уходит жизнь и способность радоваться этой жизни. Он все чаще замолкал и грустил. Часами мог просидеть в тишине в библиотеке. Забросил книгу, перестал записывать подкаст. Мадлен билась за Мернеля, вытаскивая его из трясины безмолвия и угасания. Сдаваться она не привыкла и не собиралась. В этой борьбе и прошли последние семь лет жизни Мадлен.

Она так и не вышла замуж, однако огонь в ее глазах не потух, а сил хватало, чтобы тащить на себе и самого Мернеля, и его дом, и сад, и уклад.

Визит адвоката нарушил привычную рутину дома. Мернель после встречи с ним еще час был полностью дезориентирован. Только после ужина Мадлен увидела, что его взгляду снова вернулось осмысленное выражение.

– Как же противно стареть, – сказал Мернель. – Вернее, осознавать свое старение, – уточнил он. – Нет бы провалиться бы уже полностью в эту бездну, есть кашу с ложечки и радоваться мушиной возне на подоконнике.

– Люблю, когда вы шутите! – Мадлен с нежностью посмотрела на старика. Она уже научилась относиться к подобным просветлениям как к подарку.

– Я что-то важное пропустил?

– Помните, как приходил адвокат? Поверенный? – спросила Мадлен.

– Когда?

– Днем.

– Сегодня?

– Угу, – Мадлен подлила воды в стаканы.

– Чего хотел?

– Он ищет Мишеля Фазани. Думал, вы можете его знать или знаете, где его искать.

– Мишель Фазани, – повторил старик. – Как я могу его не знать! Столько хлопот из-за него было, помнишь?

– Конечно, – кивнула Мадлен. – А куда он уехал?

«В горах мое сердце... Доньне я там.

По следу оленя лечу по скалам.

Гоню я оленя, пугаю козу.

В горах мое сердце, а сам я внизу.

Прощай, моя родина! Север, прощай, —

Отечество славы и доблести край.

По белому свету судьбою гоним,

Навеки останусь я сыном твоим

Прощайте, вершины под кровлей снегов,

Прощайте, долины и скаты лугов,

Прощайте, понижише в бездну леса,

Прощайте, потоков лесных голоса.

В горах мое сердце... Доньне я там.

По следу оленя лечу по скалам.

Гоню я оленя, пугаю козу.

В горах мое сердце, а сам я внизу!¹»

– нараспев продекламировал Мернель, дирижируя себе в такт кусочком хлеба. – Любимые его стихи, между прочим. Столько всего забыл, а это – помню.

Мадлен рассмеялась. В такие моменты ей казалось, что еще не все потеряно. Мозг человека, помнящего наизусть стихи Роберта Бернса, просто не может быть безнадежен.

– Мишель всегда бредил горами. А что еще я рассказал адвокату? – неожиданно спросил Мернель. – Ничего лишнего, надеюсь?

– Кажется, ничего, – пожала плечами Мадлен. – Он очень быстро ушел.

– Жаль, что не смог помочь.

¹ Р. Бернс в переводе С. Я. Маршака.

Ночь прошла беспокойно. Мернеля мучали кошмары. Он просыпался, кричал и никак не мог осознать себя. Мадлен пришлось прибегнуть к проверенному средству – чтению. Для этих целей у кровати лежала целая подборка самых занудных книг Мернеля про соусы. Под монотонное перечисление ингредиентов Мернель, наконец, затих. Когда Мадлен вернулась в свою комнату, уже рассвело.

После беседы с адвокатом Мадлен все-таки решила поискать в архивах письма Мишеля. Повод она сочла достаточно важным, а Мернель находился не в том состоянии, чтобы понимать, какого именно разрешения Мадлен от него ждет.

Разбором архивов Мадлен не занималась уже давно. В последние годы бумажная корреспонденция приходила все реже, да и документы уже были все в электронном виде. Она открыла коробки за 2000—2010 гг. – стопки писем лежали аккуратно перевязанные ленточками. Фани, Фурман, Фонье, Франц, Фрейд, Фусумов, Фукусима – ни одного письма от Фазани. Она проверила по имени: Мишель так же не встретился.

Что ж, она сделала, что могла. Поставив коробки на место, она села за стол. Это старое дубовое бюро ей очень нравилось. И хотя Мернель как-то признался, что купил этот стол на блошином рынке за бесценок, Мадлен чувствовала могучую энергию самого бюро и писем, которые за этим столом были написаны, с волнением вскрыты, прочитаны, а после бережно спрятаны на память.

В последнее время Мадлен заходила в кабинет, в основном, чтобы протереть пыль, и бюро чувствовало себя заброшенным. Мадлен мягко провела рукой по полированной поверхности и откинулась на спинку кресла. На столе все было без изменений. стакан с карандашами, подставка с перьевой ручкой, которой Мернель подписывал книги и именные приглашения, блокноты с желтой линованной бумагой, купленные с запасом – Мернель изводил их пачками, когда придумывал и обкатывал рецепты, мрачный пейзаж в старой рамке, упаковка скрепок и ленточка в мотке, которую сама Мадлен принесла, когда занималась архивом.

Мадлен прислушалась – в доме было тихо, ее никто не звал и не тревожил. Она имела полное право немного расслабиться. С кресла открывался красивый вид на сад. Сейчас редко ставят рабочие столы у окна – яркий дневной свет мешает работать за компьютером. Когда сидишь против света, любая гладкая поверхность становится зеркалом. Даже эта рамка. Со своего места Мадлен уже не видела в ней никакого пейзажа, а только свое отражение.

Она взяла рамку и приблизила ее к лицу. Глазам потребовалось несколько секунд, чтобы сфокусироваться на картинке.

«Никогда не думала, что там изображено», – Мадлен повертела рамку в руках и поставила обратно. Однако неудачно. Хрупкие опоры старой подставки разъехались, и картинка свалилась на пол. Стекло не разбилось, но сама рамка сломалась.

Мадлен аккуратно подняла все с пола, переживая, как бы шум падения не разбудил Мернеля. Но было тихо. Мадлен не раз приходилось чинить подобные вещи, и она не сомневалась, что справится и сейчас.

Она аккуратно разобрала рамку на составляющие, и ее взгляд упал на самую картинку. Это оказалась открытка. Штемпель был почти не виден, но на обороте была короткая надпись: «Теперь уже можно за мечтой!» Подпись «М. Ф.» и дата – 1991 г.

Глава 3

Пьер Маре принадлежал к числу людей, чей жизненный путь был полностью предопределен их желанием. Будь Пьер более романтической фигурой, можно было бы сказать, что он целиком посвятил себя исполнению детской мечты. Однако Пьер Маре был человеком прагматичным и не мечтательным, поэтому именно горячее желание стать богатым и успешным сформировало и его характер, и способы достижения целей. Не обладая особыми талантами ни в одной из сфер, в которых можно было бы прославиться, Пьер с юных лет ставил себе задачу обрести нужными связями, чтобы при возможности разделить успех и славу кого-то более выдающегося, чем он сам.

Наверное, такой подход можно было бы назвать циничным, однако Пьер был искренне убежден, что заслуживает успеха хотя бы тем, что честно делает все ради его достижения. С юных лет Пьер Маре заводил дружбу с нужными людьми, участвовал во всевозможных благотворительных акциях, состоял во всех общественных комитетах и в целом совершал, причем совершенно бесплатно, столько социально важных дел, что в какой-то момент количество переросло в качество. Он действительно добился желаемого – влился в круг богатых и знаменитых, причем настолько органично, что никому бы не пришло в голову сомневаться, что он там не на своем месте.

Одним из первых показателей успеха Пьера стала его помолвка с дочерью крупного инвестиционного банкира. Луиза Сен-Бернар, будущая мадам Маре, была девушкой вспыльчивой и противоречивой. После очередного громкого хлопка дверью отцовского особняка Луиза какое-то время искала себя в волонтерстве на кухне при общественном центре. Там же – в должности шеф-повара кухни для бездомных – проводил и свой досуг выпускник кулинарной школы Пьер Маре. Молодые люди сразу понравились друг другу. Луизу пленила бескорыстная самоотдача Пьера, а его – сама Луиза и ее потенциал.

Пьер приложил немало усилий, чтобы вернуть блудную дочь домой, чем сразу расположил к себе ее отца-банкира. Через год Пьер был с радостью принят в семью в качестве зятя и громоотвода. Этот союз открыл перед ним дополнительные возможности. Стоит ли говорить, что брак с Луизой был для Пьера одной из несущих конструкций его благополучия, и нерушимость этих уз никогда не ставилась Пьером под сомнение.

Характер мадам Маре, впрочем, оставался весьма непростым, и Пьер неустанно работал над собой, чтобы его статусу-кво ничего не угрожало. Это постоянное напряжение сильно выматывало: трудно тащить на себе отношения в одиночку. Лишь однажды Пьер дал слабину. Сложно говорить, что послужило причиной – очередной скандал с Луизой на ровном месте, приближающееся сорокалетие или инсульт его коллеги и партнера, но первый раз в своей жизни Пьер попробовал отпустить вожжи и расслабиться. Так в его жизни появилась Мадлен.

Однако Пьер не был бы собой, если бы дал своей симпатии к Мадлен прорасти в более глубокое чувство. Он не был готов нанести ущерб делу всей своей жизни. Поэтому их отношения с Мадлен держались только на ее готовности оставаться в тени, и как только она нашла в себе силы поставить точку, Пьер смиренно сошел с ее горизонта. Тем более, что почувствовавшая некоторое охлаждение к себе Луиза смягчилась и неожиданно для Пьера начала вести себя как заинтересованная в счастливой семейной жизни супруга.

Таким образом, после расставания с Мадлен жизнь Пьера даже стала чуточку лучше. О том, как переживала этот разрыв Мадлен, Пьер знал только со слов Мернеля, который по воле обстоятельств был в курсе их романа. Так же по настоянию Мернеля Пьер перестал приходить к нему в гости – чтобы лишний раз не травмировать Мадлен. В результате за последние семь лет Пьер и Мадлен виделись всего несколько раз, мельком на каких-то общих мероприятиях. Поэтому Пьер Маре был искренне удивлен, когда Мадлен попросила о встрече.

Трудно сказать, кому было более неловко – Мадлен, открывшей Пьеру калитку в сад как много лет назад, или Пьеру – которому даже в голову не пришло подойти к дому по главной дороге. Смущены были оба. Пьер сказал какой-то дежурный комплимент, Мадлен чинно спросила о здоровье его детей.

– Поговорим на кухне, – сказала Мадлен, закрывая за Пьером дверь.

– Здесь ничего не поменялось, – с улыбкой заметил Пьер. – Люблю этот стол.

– Да, я тоже. Он – один из моих любимых предметов мебели в этом доме, – сказала Мадлен. – Но давай к делу.

– Я весь – внимание, – кивнул Пьер.

– Помнишь, лет пятнадцать назад вы с Марком хотели открывать совместный бизнес с неким Фазани?

– Да, конечно! Меня, кстати, недавно об этом спрашивал один адвокат. Он разыскивает Фазани, как я понял.

– Тогда ты в курсе, – сказала Мадлен. – Он и сюда приходил дважды. Разговаривал с Марком.

– И как Марк? Что-то смог вспомнить?

– Практически ничего, – помотала головой Мадлен. – А потом всю ночь мучился кошмарами.

– Грустно все это.

– Да, очень, – Мадлен замолчала на минуту и продолжила. – Скажи, а что ты помнишь про этого Фазани?

– Я помню все, что знаю, но знаю-то очень немного, – попытался пошутить Пьер. – А что?

– Понимаешь, я поискала среди писем – в надежде найти адрес Фазани, но не нашла ничего современного. Зато нашла открытку, датированную аж 1991 годом! Как будто они дружили с давних лет. А после – ничего. И что-то не складывается. Они поссорились? Или почему других писем нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.